

ЛАПШИН П. В.

ОБРАЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ «ПОТЕРЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ»

В ТВОРЧЕСТВЕ ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ

Аннотация. Представлен анализ художественного образа персонажа «потерянного поколения» в творчестве Э. Хемингуэя. Рассматриваются предпосылки, послужившие импульсом для появления в литературе XX в. героя «потерянного поколения»; характерные черты, объединяющие персонажей подобного рода, а также их влияние на философию экзистенциализма. Анализ персонажей осуществляется на основе художественной литературы, в частности, произведения Э. Хемингуэя «Фиеста (И восходит солнце)».

Ключевые слова: «потерянное поколение», раненый герой, Первая мировая война, отчуждение, фиеста, образ, Э. Хемингуэй.

LAPSHIN P. V.

THE "LOST GENERATION" LITERARY CHARACTER IMAGE

IN LITERARY WORKS OF ERNEST HEMINGWAY

Abstract. This article presents an analysis of the "lost generation" literary character in Hemingway's works. The author considers the prerequisites for this type of literary character to appear in the XXth century literature. The specific features of the "lost generation" literary characters and their influence on the philosophy of existentialism are studied. The analysis is based on "The sun also rises" by E. Hemingway.

Keywords: «lost generation», wounded hero, World War I, estrangement, fiesta, image, E. Hemingway.

Первый эпиграф «Фиесты» (1926) Э. Хемингуэя – «все вы потерянное поколение» [6, с. 313] – обращен к вернувшимся с фронта молодым ветеранам Первой мировой войны, потрясенным ее нечеловеческой жестокостью и не сумевшим в мирное время на прежних основаниях вернуться к обычной жизни. Большинство из них психически и физически травмированы, внутренне опустошены и отчуждены от «непонимающего» их общества. Прилагательное «потерянное» подразумевает следствие разрыва с «пуританским» базисом ценностей и довоенным представлением о том, как должна выглядеть жизнь нормального человека.

Словосочетание «потерянное поколение» приобрело статус термина, обозначающего молодых фронтовиков, живших между двумя мировыми войнами, зачастую заканчивающих жизнь суицидом, либо сходявших с ума. Этот термин употребляется также по отношению к группе писателей, выступивших в этот же период с произведениями, персонажи которых

проявляли ярко выраженный индивидуалистический протест и скептическое отношение к любым проявлениям войны.

Сложные произведения, часто внешне весьма просто написанные и легко воспринимаемые (принцип айсберга), из-за большого количества недосказанного и скрытого, читатель зачастую не понимает, почему подобные произведения так сильно его впечатляют. Одним из таких, казалось бы, простых текстов можно считать «Фиесту».

Джейкоб Барнс – один из ее персонажей, является ярким примером героя «потерянного поколения» в литературе. Хемингуэй, получивший ранение, в письме из госпиталя описывает ситуацию, использованную для создания образа Барнса: «Знаете, говорят, в этой войне нет ничего смешного. Не скажу, что война – ад, уж очень заездили такие слова, но раз восемь я предпочел бы угодить в преисподнюю. За шесть дней, проведенных в окопах, я прослыл заговоренным. Вы слышите постукивание – это звук моих костяшек о доски на койке. Что ж, теперь я могу заявить, что был обстрелян фугасными минами, шрапнелью, химическими снарядами, ручным «гранатометом», снайперами, пулеметами и в дополнение ко всему аэропланом, совершавшим налет. 227 ранений, полученных от разорвавшейся мины, я сразу даже не почувствовал, казалось, будто на ноги мне надели резиновые ботинки, полные горячей воды» [4]. В романе мы не узнаем о прошлом Джейкоба. Он вместе с такими же «уставшими и разочарованными» друзьями, прожигает свою жизнь в ресторанах и кафе, потому что каждый из людей его окружения чувствует ненужность этому миру; на протяжении всего повествования прослеживается лейтмотив неизбежно надвигающейся катастрофы.

Стоит отметить, что тема «прожигания жизни» особенно ярко проявит себя в творчестве другого писателя «потерянного поколения» – Ф. С. Фицджеральда и описываемой им «эпохе джаза», которую принято считать логическим продолжением темы «потерянного поколения». Практически ни у одного из персонажей «Фиесты» нет прошлого и будущего, нет никакого намека на то, что с ними произойдет после того, как роман закончится. Все события предстают перед читателем в виде фрагментов, герои которых «существуют» в рамках отдельно взятого эпизода, отсутствует целостность повествования и причинно-следственная связь; герои общаются намеками (телеграфный стиль), за многими фразами стоит множество значений, и значения эти приходится додумывать читателю. Подобный прием помогает раскрыть образ «потерянного» человека, прошлое и будущее которого стерто войной, чье существование похоже не на жизнь, а скорее на ее фантом.

Из скурых деталей внимательный читатель узнает об увечье Барнса, полученном на фронте (прямым текстом в романе об этом не говорится). Он физический импотент, который «платонически» влюблен в Бретт Эшли – «femme fatale» данного романа. Для обозначения подобных персонажей впоследствии введен термин «раненный герой» (wounded hero). Увечье

Барнса Хемингуэй использует как символ для описания всего «потерянного поколения». Однако его герой, утративший веру в жизнь и романтические представления о ней, верит в личность и смотрит на окружающие вещи как на нечто «очищенное» и простое, лишенное какого-либо смысла и значения. Здесь мы видим сильное влияние на Хемингуэя имажизма. Его наставником помимо Гертруды Стайн, был Эзра Паунд – одна из ключевых фигур американских имажистов, поэзия которого насыщена «чистыми образами». Барнс всеми силами пытается сохранить тягу к существованию, которое состоит из повторяющихся состояний уныния, опустошенности и отчуждения – найти в земной жизни смысл, в противовес господству «черного нигилизма». И находит его в традиционном испанском празднике фиесты. Фиеста – своей, лишенной смысла красочностью и феерией, и таким же бессмысленным боем быков, помогает Барнсу «забыться».

Праздник подобного рода, заставляет понять цену и смысл жизни; бык, мчащийся на матадора – есть жизнь в самом «не романтическом» ее определении, жизнь, которая собьет тебя с ног и не даст подняться. Быку абсолютно все равно, в чем матадор видит смысл существования, с ним вряд ли удастся обсудить тонкие материи бытия и времени, он разорвет его – матадора в клочья. В этом отношении литературные герои Хемингуэя и других писателей «потерянного поколения» не боятся посмотреть в лицо смерти и хаоса, сказать себе, что в мире нет смысла, не закрываться идеями и концепциями, придавая смысл существованию, а окунуться в бездну – абсурдной жестокости и бытового трагизма. Это один из важных экзистенциальных моментов, за который Хемингуэя полюбят многие французские философы-экзистенциалисты второй половины XX в., особенно Альбер Камю.

Мучительное осознание близящегося «заката Европы», бегство от собственного одиночества, равно как и проснувшаяся ностальгия о мире до войны, приводят Хемингуэя и других писателей «потерянного поколения» к поискам нового идеала, который виделся им в постоянном совершенствовании художественного мастерства. Вернувшийся с фронта Хемингуэй дал клятву на всю оставшуюся жизнь писать «правдиво» (*truly*), настолько правдиво, насколько это позволяют художественные средства выразительности и литература вообще. Подобный шаг можно считать прямым свидетельством борьбы с «потерянностью». «Поймите, во всех своих рассказах я пытаюсь передать ощущение настоящей жизни – не просто описывать или критиковать жизнь, а перенести ее на бумагу. Так, чтобы, прочитав мой рассказ, вы действительно пережили все сами. Это невозможно, если писать только о прекрасном, опуская плохое и уродливое. Когда все прекрасно, то в это невозможно поверить. В жизни иначе. И только показав обе стороны – три измерения, а если удастся, то даже четыре, – можно писать так, как хотелось бы мне» [3].

Бессмысленному хаосу и жестокости мира способна противостоять только лишь «ярость» (даже если это ярость импотента) творческого усилия. Таков основной посыл произведений «потерянного поколения», общими чертами которых являются трагичный тон, копание в самом себе, а также экзистенциальное напряжение. Джейкоб Барнс, при всей беспомощности, не склонен обнажать свои проблемы в обществе, он прекрасно понимает смысл слов второго эпиграфа романа – «земля пребывает вовеки». Первый эпиграф: «Все вы потерянное поколение», – принадлежит Гертруде Стайн. Это словосочетание мы впервые можем найти в книге «Праздник, который всегда с тобой», где подробно описана ситуация и контекст, в котором оно произнесено [5, с. 126]. Второй эпиграф Екклесиаста полностью выглядит так: «Род проходит и род приходит, а земля пребывает вовеки. Восходит солнце и заходит солнце и спешит к месту своему, где оно восходит» [1]. «Поколение» в первом эпиграфе является зеркальным отражением «рода» во втором. Таким образом, поколение и род – можно считать один и тем же словом. Авторский замысел состоит в том, чтобы показать, что поколения и эпохи, будут сменять друг друга всегда, образуя цикл, из которого невозможно вырваться.

Образ Джейкоба Барнса стал новым витком развития персонажа всей лирико-биографической прозы. При всей автобиографичности хемингуэевских персонажей, Барнса можно считать героем скорее антихемингуэевским, он сильно отличается от поздних его персонажей. Барнс не похож на брутального бородатого «мачо» в свитере с двуствольным карабином, в образе жизни и поведении которого виден синтез «культы мужественности» и любви к альпинизму, боксу и скачкам. Этот образ нужно понимать, скорее, как воплощение идеи творческой западной, эмигрирующей интеллигенции, которая, в свою очередь, пытается осмыслить происходящие в мире события, вновь вернуть жизни смысл и найти в ней свое место, именно это и придает особую ценность этому образу в литературе. «Фиеста» стала первым успешным романом для Хемингуэя и сделала его популярным в Америке и за ее пределами. Многие из его читателей и поклонников, стали называть его героем, хотя сам он никогда себя таковым не считал: «Здесь (в Нью-Йорке) из меня пытались сделать героя. Но ты и я знаем, что настоящие герои мертвы. Будь я действительно смельчаком, меня не было бы в живых...» [2].

Жестокость тогдашней современности нашла свое отражение в культуре в виде метафизической «военной метафоры». Если с начала 1920-х гг. она трактуется конкретно, то к 1960-м – становится олицетворением важнейшего изменения человеческого существования вообще. Синергия военного и послевоенного опыта под общим трагическим знаком особенно показательна в этот период – когда события прошлого воспринимаются как «художественные», и человек постоянно существует в пограничном состоянии «военных»

действий, вдобавок с враждебно-равнодушным отношением мира к нему. Мира, главным для которого является бюрократическая система, плутократия, и человек в нем рассматривается только лишь как армейская единица, готовая идти на бессмысленную смерть, называемую «долгом» и «подвигом». В конечном счете, человека забудут, как будто его и не было.

Тема «потерянного поколения» неразрывно связана в культуре с образом героя «Фиесты» – праздника жизни и трагедии одновременно. Она перешагнула рамки времени, в которых жили и погибали персонажи произведений авторов второй половины XX в., которых в некоторой степени можно считать учениками Хемингуэя. Герои, утверждавшие, что свое место есть всегда у каждого несмотря ни на что.

ЛИТЕРАТУРА

1. Книга Екклесиаста, или Проповедника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki>.
2. Письмо Хемингуэя к Джеймсу Гэмблу (3 марта 1919 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hemingway-lib.ru/pisma/pismo2.html>.
3. Письмо Хемингуэя к д-ру К. Э. Хемингуэю (20 марта 1925 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hemingway-lib.ru/pisma/pismo9.html>.
4. Письмо Хемингуэя к родным (18 августа 1918 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hemingway-lib.ru/pisma/pismo1.html>.
5. Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. – М.: АСТ, 2011. – 288 с.
6. Хемингуэй Э. Рассказы. Фиеста (И восходит солнце). – М.: Правда, 1984. – 592 с.